

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

«Гамлетовский вопрос» как отражение христианской картины мира

Б. Н. Гайдин

(Московский гуманитарный университет)*

В статье осуществляется попытка показать фундаментальное значение христианских мотивов для научной интерпретации «Гамлета» У. Шекспира. Автор указывает, что при всей совокупности антирелигиозных трактовок шекспировской пьесы данный аспект не потерял своей актуальности для понимания содержания трагедии.

Ключевые слова: христианские мотивы, христианская картина мира, Гамлет, У. Шекспир.

«The Hamlet Question» as a Reflection of Christian Worldview

B. N. Gaydin

(Moscow University for the Humanities)

Abstract: Through this article the author is trying to show the fundamental significance of Christian motives for scientific interpretation of Shakespeare's Hamlet. It is pointed out that this aspect has not lost its topicality for understanding of the tragedy's plot regardless of the antireligious conceptions of the Shakespearean play.

Keywords: Christian motives, Christian worldview, Hamlet, W. Shakespeare.

Споры о том, с каких духовно-нравственных позиций следует исследовать трагедию «Гамлет», чтобы окончательно раскрыть «тайну» принца Датского, не утихают уже несколько веков. Огромное количество трактовок мотивов поведения Гамлета, некоторые из которых уже с трудом можно отнести к какой-либо общепризнанной в шекспироведении научной школе, поражает своим разнообразием.

Исторически сложилось, что то повышающийся, то падающий, однако сохраняющийся интерес к творчеству Шекспира — и «Гамлету», в частности — совпал с бурным развитием науки. С того момента, как непоколебимая на протяжении веков христианская парадигма мира утратила свои общеевропейские культурно доминирующие позиции, которые удерживала в Средневековье, с началом так называемого Нового времени число

* Гайдин Борис Николаевич — старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, соискатель кафедры культурологии МосГУ. Тел.: (495) 374-59-30. Эл. адрес: barbarious@mail.ru

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 08-04-12128 в).

«гамлетовских» концепций иногда медленно, иногда стремительно, но только возрастало.

Можно бесконечно долго спорить о том, какую религию исповедовал сам У. Шекспир¹, насколько он был воцерковлен и религиозен, но нельзя не принимать во внимание, что все его творчество соткано из христианских аллюзий и мотивов. Даже попытки доказать, что Шекспир «опередил время» и являлся скрытым антихристианином, прекрасно обходя «подводные камни» цензуры, только подчеркивают, что христианство играет важную роль для понимания шекспировского творчества².

При всей кажущейся традиционности христианской интерпретации загадки «Гамлета» ее научная актуальность до сих пор остается неисчерпанной. Ее литературоведческая острота особенно очевидна в свете односторонности многочисленных интерпретаций западных авторов, которые вслед за Ницше вот уже более века пытаются доказать, что «Бог умер!». И все равно, христианский тезаурус великой пьесы каждый раз поражает воображение своей многогранной неисчерпаемостью.

Русская философская школа может стать почвой для новой научной трактовки проблемы христианского тезауруса «Гамлета», поскольку является оригинальным и самобытным философским течением, в основе которого лежит православие. Русская философия развивалась иначе, чем в Европе. В. Аксюциц предположил, что «европейская литература родилась из теологической и философской традиции в процессе секуляризации христианской средневековой культуры. Русская литература, напротив, предварила и зародила оригинальную русскую философию, придав ей художественную интуицию и религиозный пафос» (Аксюциц, 2003: URL).

Следуя примеру русской философской религиозной школы и последних исследований, которые появились в ходе христианского ренессанса в нашей стране, рассмотрим «гамлетовские вопросы» с точки зрения христианской морали и христианского представления о праве на суд, понятии о добре и зле. При этом медлительность и нерешительность

Гамлета можно объяснить его отношением к Богу и божественному праву судить себе подобных. Тогда получается, что для Гамлета переход от размышлений к действию — это воистину духовный опыт. Не случайно Гамлет так нерешителен в своих действиях, ведь в образе Призрака он видит призывающего к отмщению дьявола-искусителя, а не потустороннюю связь с отцом. Конечно, были попытки интерпретировать внутренние противоречия Гамлета с точки зрения тех исторических реалий и понятий о юридическом праве, которые существовали в шекспировской Англии.

Так, например, В. Захаров в статье «Об историческом фоне английской “трагедии мести” на рубеже XVI–XVII веков» (Захаров, 1977: 97–103) рассматривает всю цепь эволюции понятия о кровной мести и ее обоснованности в Англии с древнейших времен до эпохи Шекспира. Он отмечает, что в дородовую эпоху месть по существу являлась лишь выражением превосходства сильного над слабым. Со становлением и укреплением родовых отношений акт мщения за члена своего рода постепенно начинает осознаваться как морально-этический долг. Такое положение в странах Европы стало изменяться только с укреплением центральной власти и правосудия не только в городах, но и сельских районах. В 1615 году в Англии Ф. Бэкон выдвинул идею о том, что только король может выступать в качестве третейского судьи в разрешении конфликтных ситуаций. В качестве основополагающего тезиса, подкрепляющего это право монарха, философ привел библейскую заповедь “Mihi vindicta, ego retribuam” (лат. «Мне отмщение, и аз воздам» (Рим. 12:19)). Однако еще долго число убийств на почве мести было довольно высоким, особенно в конце царствования Елизаветы и в первые годы правления короля Якова I.

По мнению В. Захарова, англичане эпохи Шекспира особенно сильно осуждали «макиавеллистический» характер убийства, т. е. спланированный заранее. Таким образом, например, Клавдий в глазах зрителей шекспировской эпохи безусловно являлся злодеем и заслуживал наказания. К институту же кров-

ной мести отношение было неоднозначным: «Мечь убийце отца или сына вообще казалась законной (особенно в тех случаях, когда было трудно или вовсе невозможно апеллировать к правосудию), и общественное мнение обычно симпатизировало мстителю, хотя ограничивало его в выборе средств отмщения» (Там же: 102).

Несмотря на всю убедительность исторического подхода в решении проблемы Гамлета, он оказывается неспособным интерпретировать многие сцены, когда принц Датский руководствуется чем-то большим, чем историческая практика и обычаи в установлении справедливости. Одним историческим знанием нельзя ответить на вопрос, почему Гамлет не решается убить Клавдия во время покаянной молитвы братоубийцы (III, 3). Точка зрения В. Захарова, что Гамлет просто не хочет, чтобы кто-то имел основания упрекнуть его в «макиавеллизме» (См.: Там же), не представляется убедительной. На наш взгляд, Гамлет осознает, что убийство Клавдия в этот момент было бы не мезьью, а даром³, поскольку с позиций христианского мировоззрения это было бы не отмщением, а прощением, так как Клавдий попал бы в Рай, а не туда, куда заслуживал.

А. Ванновский в своей статье «Новые данные о влиянии Шекспира на Пушкина» приводит слова А. Н. Толстого, который, как известно, достаточно резко критиковал Шекспира за «Гамлета»: «Нет никакой возможности найти какого-либо объяснения поступкам и речам Гамлета и потому никакой возможности приписать ему какой бы то ни было характер» (Толстой, 1983: 290). Критик с ним соглашается, так как «всякий человек, переживающий глубокую душевную борьбу, находящийся в процессе развития, движения, не имеет и не может иметь характера в обычном смысле слова» (Ванновский, 1989: 383). А. Ванновский считает бесполезным подходить к Гамлету с привычными методами критики характеров. Каким образом трактовать монологи принца? Проявление ли это слабости или же новая веха в развитии долга кровной мести? Ученый предлагает понимать мечь Гамлета так, что в ее основе «стоит

исключительный интерес мстителя к судьбам души своего врага» (Там же: 387). Гамлет находится в раздумьях: когда совершить убийство, чтобы справедливость наконец восторжествовала?

Ему не хватает уверенности в том, что он достойно отомстит за горячо любимого отца. Любая ошибка, например преувеличение грехов врага, может привести к тому, что его душа отправится в Рай. Но, с другой стороны, «чтобы также безошибочно судить души человеческие, как их будет судить Небесный Судья, надо самому стать таким же совершенным» (Там же: 388).

Его стремление расквитаться за отца приводит, по мнению А. Ванновского, «к полному преобразованию самой природы мести. Вся энергия мстителя уходит не на внешнюю борьбу с врагом, а на самотворчество нового лица, на решение глубочайших этических и религиозно-философских проблем, связанных с задачей мести за душу» (Там же). Гамлет пытается убедить себя, что в душе Клавдия нет и крупинки добра, и окончательно увериться в полной ее греховности. Но все оказалось не так однозначно: принц настолько поражается природой души человека, что у него «складывается настроение помочь тому семени добра, которое живет в душе самого страшного преступника, вырасти в могучее дерево; иначе говоря, спасти его душу» (Там же).

Самой сложной преградой на пути этого стремления является закон мести, ветхозаветное «око за око, зуб за зуб». А. Ванновский в своих умозаключениях приходит к выводу, что, общаясь с Призраком, Гамлет начинает понимать, что ад находится в нас самих и не надо предавать Клавдия смерти, «а достаточно только пробудить в нем дремлющую совесть, как ад создается в душе преступника» (Там же: 389)⁴. С. Булгаков в своем труде «Свет невечерний. Созерцания и умозрения» писал: «В совести своей необманной и нелицеприятной, столь загадочно свободной от естественного человеческого себялюбия человек ощущает, что некто совесть совершает вместе с ним его дела, творит суд свой, всегда его видит» (Булгаков, 1999: 61).

Гамлет постепенно открывает для себя то, что можно было назвать новым способом мести, при котором не нужно ждать того часа, когда душа Клавдия окончательно погрязнет в лоне греха. Таким образом, он исполняет и свой сыновний долг перед отцом, и выступает спасителем души злодея, борется со злом в этом мире. Более того, «в этой диалектике мести, в этом превращении героя из мстителя за кровь в мстителя за душу и из мстителя за душу в спасителя душ и заключается тайный закон эволюции человеческого духа, затерявшийся со времени Христа и вновь открытый Шекспиром» (Ванновский, 1989: 389). Таким образом, Гамлет переживает момент переоценки ценностей, история которых насчитывает не одно тысячелетие.

Гамлет, двигаясь от ветхозаветного «око за око, зуб за зуб», достигает новой вершины человеческого сознания — Евангельской заповеди, провозглашающей любовь к врагам. А «делание заповедей», по выражению С. - Булгакова, «становится путем к Богу, а вместе с тем и возможностью религиозного преткновения для человека» (Булгаков, 1999: 61).

А. Ванновский предполагает, что в том и заключается разница между Гамлетом и Лаэртом. Их дуэль может служить символом противостояния между ветхозаветным и новым Адамом. Критик замечает, что А. С. Пушкин использовал подобную диалектику мести в «Выстреле», в котором Сильвио прощает своего обидчика. «Оплата добром за зло представляет собой наиболее сильный и в то же время наиболее тонкий вид мести» (Ванновский, 1989: 396). Но Лаэрт непреклонен, он жаждет крови человека, который один, как ему сказали, виноват в смерти его отца и гибели сестры. Честь и гордыня для него превыше всего. Только будучи смертельно ранен, он просит прощения у благородного принца, осознав свое заблуждение и вину.

Конечно, возникают несколько вопросов. Например, мог ли Гамлет быть уверен, что король способен на духовное и нравственное перерождение? Можно предположить, что где-то в глубине души принц лелеял надежду, что двор Эльсинора и его грешный род-

ственник, как и все люди, могут измениться к лучшему. Внимательный читатель без труда может обнаружить, что монологи короля, в которых он зачастую раскаивается за свои поступки, являются своеобразным ключом для раскрытия внутреннего мира злодея:

O, my offense is rank, it smells to heaven;
It hath the primal eldest curse upon't,
A brother's murder. Pray can I not,
Though inclination be as sharp as will.
(III, 3, 36–39) (Цит. по: *Shakespeare*,
1963: 114)

Считается, что король вспоминает здесь о печати Каина, убившего своего брата Авеля. Большинство шекспироведов указывают на то, что Клавдий имеет склонность к самоанализу, что может означать, что драматург рисовал нам человека, совесть которого все же не мертва, а только дремлет. Так, например, в одной из шекспировских энциклопедий король охарактеризован как человек, хотя и способный на бесчеловечные и коварные действия, но кающийся наедине с самим собой (См.: *A Shakespeare Encyclopaedia*, 1966: 119).

Э. С. Брэдли замечал, что Клавдия нельзя назвать плохим монархом. Ведь он заботится о процветании своего государства, о его обороноспособности. Нельзя назвать его и трусом, если вспомнить то, с каким хладнокровием он встречает Лаэрта, поднявшего за собой толпу. Король, по мнению Брэдли, сангвиник, который надеется на счастье в будущем (См.: *Bradley*, 1991: 163). И ради этого счастья он готов вести закулисную игру, в которой он не новичок.

Вообще критик полагал, что сам по себе тон «Гамлета» можно назвать «религиозным». В этом пьеса во многом схожа с «Макбетом». И Макбет, и Клавдий чувствуют отчаяние, так как осознают, что погрязли в лоне греха (См.: *Ibid*: 165). Идея, как нам кажется, сама по себе верна, хотя насчет того, что они пропали «навечно», можно и поразмышлять. Зачем же тогда король молился, если бы не надеялся на божественное прощение? Ведь рано или поздно многие задаются вопросом о смысле жизни и о том, что будет после нее.

Также и герои Шекспира любят и ненавидят, переживая различные искушения, подстерегающие их на каждом шагу, совершают смертные грехи, а затем умирают. И могло ли быть по-другому у Барда? Ведь вряд ли Шекспир мог предполагать, что его произведение когда-то будут читать и смотреть на разных языках люди других религий, конфессий, взглядов на мироустройство. Возможно, но достаточно сложно себе это представить. Шекспир, безусловно, будучи христианином, творил для людей, подобных ему, если не по уровню образования, то по духовному воспитанию. (Он и не мог себе представить, что через пару-тройку столетий какой-нибудь атеист найдет и для себя что-то в качестве духовной пищи в его пьесах и сонетах.) Так или иначе, с точки зрения христианского мировоззрения, «падший человек должен умереть, ибо он не может не умереть, но он должен и воскреснуть во Христе» (Булгаков, 1999: 299).

Почему же Гамлет, в конце концов, убивает Клавдия? Мы склонны полагать, что Шекспир мог вложить в подобную развязку идею, которую можно выразить словами С. Булгакова о Христе: «Ему надо было приобщиться Ветхого Адама, пройти путь земной жизни и разделить ее тяготы и последнюю судьбу» (Там же).

Несмотря на то что параллель Гамлет — Христос может на первый взгляд показаться не совсем убедительной, вполне можно предположить, на наш взгляд, что Шекспир попытался изобразить тернистый путь духовного перерождения молодого человека. Ведь лишь «приняв в себе всего Адама, сделавшись поистине человеком, приняв все искушения и сам, будучи искушен всем, мог Христос сделаться Новым Адамом» (Там же).

Таким образом, Гамлета можно было бы назвать несостоявшимся Христом, но, как нам кажется, одна его попытка достигнуть высшего идеала человеколюбия многого стоит. Пусть принц не святой, но всей своей сущностью он стремится избежать грехопадения и лишь во внезапных припадках ярости низвергается в грех, чтобы потом предстать перед судом Божиим. В. Комарова писала о после-

дней кровавой сцене драмы: «В финале трагедии Гамлет совершает месть, но делает это импульсивно в свой предсмертный час, когда Клавдий изобличен в новых злодеяниях» (Комарова, 1991: 62). Как и каждый из нас, принц грешен, но не теряет надежды на исцеление, без которой мало кто из здравомыслящих людей может существовать. Так, Д. Доллимор, вспоминая слова Св. Августина, замечал, что «душа человека после грехопадения, “упоенная греховной свободой” (О Граде Божием, 13, 13–14), побуждает человека нарушать Божий закон. А ведь этому закону человек не просто должен подчиняться — он “написан в сердцах людей” (Исповедь)» (Доллимор, 1993: 34).

Хорошим примером того, как подобным образом интерпретировался образ Гамлета на русской сцене, может служить игра актера П. Н. Орленева. По его предположению, книгой, которую читал принц, было Евангелие. Таким образом, всю трагедию можно назвать восхождением Гамлета на Голгофу, а знаменитые слова принца — *The time is out of joint. O cursed spite, / That ever I was born to set it right!* (I, 5, 188–189) — в устах актера звучали так: «Распалась связь времен, о преступленье мировое, зачем, зачем меня на крест ты посылаешь?»⁵

Христианская интерпретация «Гамлета», безусловно, не только имеет право на существование, но кажется одной из наиболее перспективных, хотя, как и всякая другая точка зрения, не может претендовать на роль единственно верной. Даже не вдаваясь в содержание пьесы, а взглянув на нее только с текстологической точки зрения, можно заметить то влияние, которое оказало на Шекспира Священное Писание. Практически все произведения драматурга включают в себя многочисленные библейские аллюзии и параллели. Однако одного текста не достаточно для понимания шекспировского замысла создания той или иной пьесы. Необходимо понимание и контекста его исторической эпохи, во время которой в христианстве уже стал намечаться кризис.

Таким образом, христианская интерпретация проблемы Гамлета может служить яр-

ким примером того, как данная тема может быть рассмотрена с морально-этической позиции, согласно тому или иному миропониманию. Именно это качество, по существу, и делает актуальным содержание этой трагедии Шекспира для новых поколений и позволяет причислить Гамлета к вечным образам мировой культуры.

¹ Авторскую позицию по этому вопросу см. в статье: Гайдин, 2006: 236–239.

² На Международной научной конференции «Шекспировские чтения 2008» доклад В. Д. Николаева «Шекспир и христианство» вызвал живую дискуссию. Большинство участников конференции высказали свое несогласие с тезисом о том, что Шекспир выдвигал антицерковные идеи и не рассматривал самоубийство как смертный грех. См.: Николаев, 2008: 40.

³ У Шекспира: «hire and salary» (F) / «a benefit» (Q1). В русских переводах: «заплата» (пер. М. Вронченко) / «благодарянье» (пер. Н. Полевого) / «благодарность» (пер. М. Загуляева) / «награда» (пер. А. Кронеберга, Н. Маклакова, А. Соколовского, Н. Россова, М. Лозинского, Б. Пастернака, С. Степанова) / «отплата за труды» (П. Гнедича) / «плата, награждение» (пер. Д. Аверкиева) / «как по его заказу» (пер. И. Пешкова).

⁴ М. Монтень в главе «О совести» своих «Опытов», оказавших существенное влияние на Шекспира, отмечал, что, согласно Платону, наказание происходит после преступного деяния, тогда как по Гесиоду — оно возникает в момент преступления в форме мук совести. (См.: Комарова, 2001: 166).

⁵ Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим. М. : Л., 1931. С. 363. Цит. по: Горбунов, 1985: 19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксючиц, В. (2003) Становление русской философии [Электронный ресурс] : Интернет-журнал Сретенского монастыря. [URL]: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/030915103201> (дата обращения: 30.10.2008).

Булгаков, С. Н. (1999) Первообраз и образ : Сочинения : в 2 т. М. : Искусство ; СПб. : Инапресс. Т. 1 : Свет не вечерний : Созерцания и умозрения.

Ванновский, А. (1989) Новые данные о влиянии Шекспира на Пушкина // Пушкинист. Вып. 1. М. : Современник.

Гайдин, Б. Н. (2006) Шекспир и христианская культура // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2.

Горбунов, А. Н. (1985) К истории русского «Гамлета» // Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы : Сборник. М. : Радуга.

Доллимор, Д. (1993) Политико-культурное исследование Шекспира: случаи смещения и перверсии // Шекспировские чтения 1993 / под ред. А. В. Бартошевича. М. : Наука.

Захаров, В. (1977) Об историческом фоне английской «трагедии мести» на рубеже XVI–XVII веков // Шекспировские чтения 1976. М.: Наука.

Комарова, В. П. (2001) Творчество Шекспира. СПб. : Филологический факультет Петербургск. гос. ун-та.

Комарова, В. П. (1991) Финальные сцены в хрониках и трагедиях Шекспира // Шекспировские чтения 1990 / под ред. А. А. Аникста. М. : Наука.

Луков, Вл. А., Захаров, Н. В., Гайдин, Б. Н. (2007) Шекспировские штудии IV: Гамлет как вечный образ русской и мировой культуры / отв. ред. Вл. А. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Николаев, В. Д. (2008) Шекспир и христианство // Шекспировские чтения 2008. Сборник аннотаций докладов. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Толстой, А. Н. (1983) О Шекспире и о драме. Статьи об искусстве и литературе // Толстой А. Н. Собр. соч. М. Т. 15.

A Shakespeare Encyclopaedia (1966) Edited by O. J. Campbell. L. : Methuen & Co Ltd.

Bradley, A. C. (1991) Shakespearean Tragedy. L. : Penguin Books.

Shakespeare, W. (1963) The Tragedy of Hamlet Prince of Denmark / Edited by Edward Hubler. N. Y. : A Signet Classic. New American Library.